

Юлия БЕРИНГ

Игрушка
**ЖЕСТОКОГО
НАСЛЕДНИКА.**

Ты знал об аресте брата
и заставил меня *умолять!*

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого наследника.
Ты знал об аресте брата
и заставил меня умолять!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты знал об аресте брата и заставил меня умолять! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Моего младшего брата посадили за преступление, которого он не совершал. Единственный, кто мог его спасти, — Марк Волков, жестокий наследник медицинской империи. — Хочешь вытащить брата из СИЗО? Тогда станешь моей девушкой. Будешь жить со мной и выполнять все мои приказы! Я подписала унижительную сделку ради Тимура. Марк заставлял меня спать на полу, унижал перед студентами и угрожал вернуть брата за решётку. А потом я узнала страшную правду. Он знал о готовящемся аресте! И позволил этому случиться! Теперь у меня есть доказательства преступлений его семьи. Он считает меня своей игрушкой. Но я заставлю наследника заплатить за всё. Даже если придётся разбить собственное сердце.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника. Ты знал об аресте брата и заставил меня умолять!

Глава 1

У кабинета Волкова я в третий раз проверила папку: протокол, экспертиза, показания. Всё на месте. От мороза пальцы ещё не отогрелись, и пластиковый край больно давил на костяшки. Секретарша видела меня у двери, но продолжала печатать. Я придвинула к ней первый лист — тот, где номера оборудования не совпадали.

— Я сказала: он занят.

Секретарша придержала мой лист двумя пальцами, чтобы не заслонял монитор. Даже дату не посмотрела.

— Жалобы на преподавателей принимают в деканате. Здесь вам не помогут.

— Я не на преподавателя жалуюсь.

— Всё равно в деканат.

— Это не жалоба, — мой голос сорвался, хриплый от крика в трубке три часа назад. Тимур плакал. Тимур говорил, что его бьют. Что ему подкинули украденное оборудование, чтобы он молчал. — Это жизнь моего брата. Мне нужен Марк Волков. Сейчас.

Она подняла глаза, когда я убрала бумагу. Сначала посмотрела на мокрый край куртки, потом на мои ботинки. Я ещё у входа вытерла их о коврик. Чего ей теперь-то?

— У вас есть запись? — спросила она.

— У меня есть брат в СИЗО.

Она потянулась к кнопке микрофона.

— Охрана, — произнесла она в микрофон. Два здоровых мужика в костюмах шагнули ко мне, преграждая путь к массивной двери кабинета наследника главного спонсора клиники.

Один охранник протянул руку к моему локтю. Второй уже разворачивался к выходу: проводить, выпроводить, забыть. До ручки кабинета оставалось меньше шага. Я набрала воздуха — за дверью тоже должны были услышать.

— Пожарная тревога! — закричала я, не отрывая взгляда от их лиц.

Секретарша вскочила, первый охранник оглянулся в коридор. Мне хватило этого поворота головы. Он развернул плечо, освободив узкий проход к кабинету. Я прижала папку к животу. Стыдно будет потом, если придётся объяснять, где пожар. Сейчас нужна была открытая дверь.

Я проскользнула между ними, впечатавшись плечом в холодную ручку двери. Замок щелкнул. Я толкнула дверь внутрь, прежде чем кто-либо успел схватить меня за локоть.

Из кофейного аппарата ещё шёл пар. Марк сидел за столом, повернувшись спиной к заснеженному парку, и набирал сообщение большим пальцем. Я успела увидеть его только на фотографиях — там он казался старше. Вживую обычный парень, разве что костюм сидел так, как мои вещи никогда не сидели. Он не поднял головы даже после моего крика. Я остановилась у стола, переводя дыхание, и разжала онемевшие пальцы на папке.

— Дверь закрой, — сказал он, не отрываясь от телефона. После моего крика его низкий голос едва слышался. — Будешь орать — вызову полицию. Тебе мало проблем, Смирнова? В двадцать лет уже пора понимать, в какие двери лезешь.

Я захлопнула дверь за спиной. Он поморщился, но головы так и не поднял.

— Мой брат сидит в СИЗО за то, чего не совершал, — выпалила я, вываливая содержимое папки на его стол. Бумаги разлетелись веером: копии протокола допроса, акт экспертизы оборудования, показания свидетелей, которых никто не слушал. — Дело шито белыми нитками. Но судья куплен семьей Гром. Людьми, с которыми связан твой отец.

На фамилии Гром он перестал печатать. Положил телефон экраном вниз и поднял глаза. Серые; эту деталь я почему-то отметила раньше, чем то, что он смотрит прямо на меня. Теперь нужно было говорить связно. Я выдвинула из-под остальных листов экспертизу, но он на неё не взглянул.

— Почему ты думаешь, что я должен тебе помогать? — спросил он тихо. Он отодвинул мои бумаги, освобождая место перед собой. — Ты мне никто. Ноль. Мусор, который случайно попался на пути. Ты принесла бумаги — и решила, что я теперь обязан разгрести это за тебя?

Пришлось опереться ладонью на стол, чтобы не выдать дрожь в коленях. Край экспертизы согнулся под его ладонью; он даже не прочитал заголовок. Я ведь всю дорогу представляла, как он увидит несостыковки, позвонит адвокату. Теперь нужно было объяснить ему, зачем я вообще стою в его кабинете.

— Потому что я готова стать кем угодно, — прошептала я, и каждое слово резало горло. — Лишь бы он вышел.

Он молчал, и я почти повторила свою просьбу. Марк встал; пришлось поднять голову, чтобы не потерять его взгляд. На фотографиях в академическом журнале я не замечала, какие у него широкие плечи. Отодвинуться от стола захотелось сразу.

Он подошел к кофейному аппарату в углу кабинета. Щелчок кнопки, шипение пара. Он налил себе эспрессо, сделал один глоток и поставил чашку обратно. Затем достал из кармана пиджака салфетку. Белую, мягкую, с тисненым логотипом университета.

Он развернул её на столе перед собой. Достал золотую ручку.

— Условия просты, Кира.

Он писал быстро, неразборчиво, черными чернилами. Я читала вслух, пока он диктовал: «Жить со мной в общежитии. Имитировать отношения на публике. Терпеть любые мои капризы до конца учебного года. Молчать обо всем.»

Я устала на текст. Чернила еще не высохли.

— Это абсурд, — сказала я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. — Один месяц. Без интимной близости. Просто... статус. Чтобы люди думали, что ты защищаешь меня из личной приязни.

Марк усмехнулся и прижал пальцем край салфетки. Я ещё смотрела на строчку про конец учебного года. Месяц он даже обсуждать не собирался.

— Или всё, или ничего. Твой брат сейчас в камере с наркоманами. Каждую минуту там может стоять ему здоровья. Или жизни. Ты хочешь торговаться со мной? Со мной?

Его смех оборвался, когда дверь кабинета скрипнула.

На пороге стояла Елизавета Гром. Лиза поправила дорогой шарф, оглядела меня и улыбнулась Марку. Я пригладила волосы, растрепавшиеся у двери, но она уже всё заметила. Даже на мои глаза посмотрела дольше, чем нужно. Марк остался над столом — салфетку от неё не закрыл.

— О, новая игрушка Волкова? — Лиза задержалась на пороге, чтобы мне пришлось смотреть на неё. — Как низко пали. Купленная кукла? Пахнет дешевым парфюмом и отчаянием.

Я проверила, не расстегнулась ли куртка: после рывка мимо охраны молния разошлась снизу. Лиза смотрела именно туда. Хотелось рассказать ей про Тимура, чтобы она заткнулась. Я уже знала, каким голосом она перескажет это в группе. Пусть лучше останется при своём парфюме.

Вместо этого я сделала шаг назад. Подняла голову. Вытерла влажную щеку рукавом куртки, оставив на ткани темное пятно.

— Извини, что помешала твоему чаепитию, Лиза. — Я успела вытереть щёку и теперь прижимала мокрый рукав к боку: пусть не видит, как пальцы сминают ткань. Голос наконец перестал дрожать. — У нас деловая встреча.

Лиза сузила глаза. Она посмотрела на салфетку, потом на Марка. Я выпрямила спину, хотя рукав мокрой куртки лип к запястью. Пусть попробует ещё раз назвать меня куклой.

— Посмотрим, как долго ты протянешь в его клетке, — процедила она и скрылась за дверью, хлопнув ею так сильно, что задрожали рамки картин на стенах.

Марк наблюдал за этим представлением с легкой полуулыбкой. Он повернулся ко мне.

— Ручка, — приказал он.

Я взяла золотую ручку. Она была тяжелой, холодной. Моя рука тряслась так сильно, что кончик едва касался бумаги. В этот момент телефон Марка завибрировал. Он не взял трубку, лишь скользнул взглядом по экрану.

— Адвокат сообщает, — сказал он, глядя на меня поверх очков, которые он надел только сейчас. — Твоего брата перевели в карцер. Ему назначили взыскание. Причина — нарушение режима.

Я перестала удерживать ручку над салфеткой. Кончик ткнулся в бумагу и оставил кляксу. Карцер. Тимур сейчас там один; даже к соседу по камере обратиться не может.

— Нет, — выдохнула я.

— Подпиши, Кира. Прямо сейчас. Или завтра ты узнаешь, что твой брат потерял пару зубов. Выбор за тобой.

Тушь с мокрой щеки осталась на пальцах, и я вытерла их о куртку, чтобы не размазать подпись. Утром я красилась перед экзаменом. Собиралась сдать его, позвонить брату — теперь всё это казалось чужим днём. Я подняла глаза на портрет отца Марка: может, у сына получится его уговорить. Тимур боится темноты с семи лет. Я должна подписать, пока Марк не убрал салфетку.

Перо коснулось бумаги. Резкая, рваная подпись. «Кира Смирнова».

На последней букве перо продавило салфетку. Я смотрела на дырочку возле своей фамилии и ждала, что он хотя бы назовёт адвокату моё условие: брата должны выпустить.

Марк забрал салфетку, аккуратно сложил её и положил во внутренний карман пиджака.

— Теперь убери свои документы. Мы закончили.

Листы никак не входили в папку. Я смяла угол протокола, запихнула остальные поверх него и прижала папку к груди. До двери дошла боком, стараясь ничего не уронить. Уже взялась за ручку, когда Марк заговорил снова.

— Не думай, что это любовь или дружба, Смирнова. Это сделка. И если ты хоть раз согласишься на меня так, будто я твой спаситель, я сломаю тебя сам.

Я обернулась, держась за ручку. Он больше не улыбался. Салфетку придерживал ладонью через пиджак, будто проверял, на месте ли она. Мне хотелось спросить, что ещё он собирается с меня потребовать. Но от слова «сломаю» всё внутри опять стянулось, и вопрос остался при мне.

Откуда он узнал о карцере раньше меня? Почему адвокат отчитывался ему? Я задержалась у двери, но спросить не решилась: салфетка уже лежала у него в кармане, а брат — всё ещё в камере. Ответы придётся искать так, чтобы Волков не заметил.

Я вышла в коридор. Секретарша не обратила на меня внимания. Охрана не попыталась остановить. Я шла по мрамору, чувствуя, как каждый шаг отдаётся болью в висках.

Улица встретила меня морозом, который резал легкие. Я вдохнула глубоко, пытаюсь очистить разум от запаха кожи и кофе. Телефон в кармане завибрировал. SMS от неизвестного номера.

«Он уже едет за тобой. Не беги. Если побежишь — он убьет его медленнее».

Я подняла глаза. Вдоль тротуара медленно полз черный внедорожник. Тонированные стекла были опущены ровно на столько, сколько нужно, чтобы увидеть лицо водителя.

Марк Волков.

Он не улыбался. Только открыл пассажирскую дверь.

Я сжала телефон, закрывая ладонью сообщение. Спросить у него, кто это написал? Здесь, на улице, ещё можно было остаться. Из открытой машины тянуло теплом; я сделала шаг к ней, всё ещё удерживая папку перед собой.

Глава 2

У двери люкса я переставила чемодан из одной руки в другую. На седьмом этаже было тихо, а кнопки звонка я не нашла. Только считыватель рядом с замком. Марк отстал у лифта, отвечая кому-то по телефону, и я стояла здесь уже несколько минут.

Я приложила палец к панели, хотя прекрасно понимала, что моего отпечатка там нет. Красный огонёк. Ладно, убедилась. Чемодан тяжёлый, ручка скользит, сесть негде. Было бы почти смешно: подписала салфетку на год вперёд, а попасть внутрь не могу. Я подтянула рукав, прикрывая руку, и прислушалась к шагам у лифта.

Марк подошёл, продолжая смотреть в телефон. Я отодвинула чемодан, чтобы он не наступил на него. Палец к панели — зелёный огонёк, щелчок. Он вошёл и оставил дверь открытой. Я ждала хотя бы «проходи»; вместо этого он уже снимал пиджак. Я подхватила чемодан за боковую ручку, чтобы не волочить его через порог.

Я переступила порог. Сердце колотилось где-то в горле.

У него была целая комната для того, чтобы сидеть: диван, два кресла, низкий стол. Из своей я могла достать чайник, не вставая с кровати. Здесь спальня уходила за перегородку, а на кухонной стойке стояли закрытые бутылки воды. Я оставила чемодан у шкафа. За него хотя бы можно было спрятать потёртый бок.

Фотографию Тимура я привезла в кармане, отдельно от остальных вещей. Он на ней держался за руль велосипеда и щурился: солнце било прямо в лицо. Снимок помялся по углу. Я разгладила его ладонью и подошла к полке над столом. Если поставить за книгу, он не будет падать.

— Убери это.

Марк сидел в глубоком кресле у окна, листая ленту новостей на телефоне. Сказал это между двумя движениями пальца по экрану. Я ещё держала снимок на полке, ожидая, что он хотя бы посмотрит, прежде чем повторить приказ.

— Мне нужно... мне нужно видеть его лицо, — мой голос дрогнул.

Марк резко выдвинул ящик стола. Звук дерева о металл прозвучал как выстрел. Он схватил фото одной рукой и швырнул внутрь ящика, захлопнув его с глухим щелчком.

— В этом доме нет места для твоей жалкой ностальгии, Кира. Твои вещи будут лежать в шкафу. Всё остальное — моё. Ты здесь не живёшь. Ты существуешь по моему графику.

Он наконец посмотрел на меня. Я посмотрела на ящик с фотографией. Открыть бы его сейчас и забрать своё. Марк следил за мной, уже отложив телефон, и я поняла: ждёт, потянусь ли к ручке. Я стиснула зубы. Выпросить назад фотографию Тимура — до этого я ещё не дошла.

Во рту пересохло; я сглотнула, но стало только больнее. С утра почти ничего не пила: сперва дорога до университета, потом звонок Тимура, беготня со справками. В углу рядом с кулером стояли бутылки воды и энергетиков. До стойки я дошла, держась за край стола, и потянулась к горлышку ближайшей бутылки.

Рука Марка перехватила моё запястье раньше, чем мои пальцы коснулись пластика. Я попробовала отнять руку, и его пальцы сжались крепче. Он дёрнул меня на себя, прижимая к стене. Запах его кожи ударил в нос — сандал, табак и что-то металлическое, как кровь.

— Ты не гостя, Кира. Ты обслуживающий персонал моего комфорта, — он прошептал прямо в ухо, и его дыхание обожгло шею. — Вода будет принесена, когда я захочу пить. А пока — стой там, где стоишь. Дыши ровно. Не смей показывать, что тебе плохо. Это раздражает.

Он отпустил меня так резко, что я сползла по стене вниз, оказавшись на полу. Колени подогнулись. Я сидела, обхватив голову руками, пытаюсь успокоить учащённое сердцебиение. Перед глазами всё ещё стояла бутылка, до которой я так и не дотянулась. До чего же хотелось

встать, схватить её и выпить прямо при нём. Я сжала ладони на висках, переживая тошноту; слёзы пришлось сглотнуть вместе со слюной.

— Переоденься, — приказал Марк, возвращаясь в кресло.

Марк положил на кровать чёрное шёлковое платье-комбинацию. Я поднялась с пола, придерживаясь стены, и увидела узкие бретели. Даже рукава, за который можно потянуть, чтобы прикрыться, нет. Красивое. Именно этим оно и взбесило: он хотел видеть меня в нём, а я стояла тут и потирала руку, которой мне только что запретили взять воду.

Я посмотрела на Марка, всё ещё потирая запястье.

— Ты серьёзно?

— Ты думаешь, у тебя есть право на приватность? — Марк усмехнулся сухим, безрадостным смехом. Он достал телефон, набрал номер и приложил трубку к уху, глядя мне прямо в глаза. — Я заплатил за твою жизнь, Кира. За свободу твоего брата. Переодевайся. Или я звоню следователю и говорю, что ты сбежала. Что сделка сорвана. Что твой брат снова станет обвиняемым.

Он держал телефон у уха и ждал. Я взяла платье, проверила длину — слишком короткое, конечно.

— В ванной переоденусь.

Марк усмехнулся и убрал телефон, так и не сказав, кому собирался звонить. Я ушла, прижимая ткань к груди. Хотелось захлопнуть дверь; я закрыла её тихо и сразу повернула замок.

Пока я переодевалась в запертой ванной, в спальне зазвонил телефон. Голос Марка из спальни звучал глухо, но разборчиво.

— Да... она уже у меня... да, сломается быстро... не волнуйся, Лиза, мы всё провернули идеально.

Лиза. Елизавета Гром. Ректорская дочь. Королева курса.

Мир качнулся. Я замерла с мокрой губкой в руке. Лиза знала, где я. Знала, что он собирается со мной делать. Я прижала губку к краю раковины и прислушалась, но разговор уже кончился. Нужно было запомнить его слова точно — не достраивать за него, что именно они «провернули идеально».

Когда я вышла, натянув платье, которое холодило плечи и подчеркивало каждый изгиб, Марк уже сидел на краю огромной кровати. Он закончил разговор. Он посмотрел сперва на платье, потом мне в лицо. Я придержала бретель у плеча. Он видел, что я слышала разговор; улыбаться мне теперь не собирался.

— Ты услышала лишнее, — сказал он тихо.

Я сжала кулаки.

— Вы знали. Всё было заранее.

— Забудь, — он встал и сделал шаг ко мне. — Или я заставлю тебя забыть силой.

Он подошёл так близко, что край его рубашки коснулся моего плеча. Я следила за его руками, а сама почему-то заметила маленькую щербинку на губе. Очень некстати. После того, что я слышала в ванной, нечего было разглядывать его рот. Я отвернулась и отступила до кровати.

За окном потемнело. Я всё ждала, что Марк скажет, где мне спать, но он тянул время: убрал телефон, снял часы. Свет в номере погас сам собой — сработала автоматика. Марк лёг на кровать, вытянувшись во весь рост. С краю оставалось место; сесть туда я не решалась.

— Пол, — указал он подбородком на ковёр у изножья. — Лежи там. Головой к моим ногам. Готовая встать по первому щелчку.

Я попыталась сесть на стул в углу, сохраняя хотя бы метр дистанции.

— Марк...

— Если ты встанешь до утра, твой брат проведёт в СИЗО ещё месяц, — его голос был тихим, почти ласковым, и это пугало больше крика. — Лежи. Считай свои грехи.

Темнота поглотила комнату. Я легла на холодный ворс ковра. С края кровати свисала простыня. Я отодвинулась, чтобы она не касалась лица: даже эта случайная близость казалась унижительной. Я смотрела на его ступни под одеялом. Ему достаточно чуть сдвинуть ногу, чтобы задеть меня. Я снова подвинулась, прижала колени к животу, и от шороха ковра сразу стало страшно: вдруг решит, что я встаю. Я плакала беззвучно, кусая губы до крови, чтобы ни звука не прорвалось наружу. Каждое движение его во сне отзывалось вибрацией в полу. Я считала до шестидесяти, потом начинала снова. Сколько раз уже начала? Сбилась, когда он повернулся на другой бок, и снова шептала про себя числа, лишь бы не прислушиваться к кровати.

Утро ударило светом в глаза.

Я вскинулась, ожидая увидеть над собой его лицо, его руки, готовясь к худшему. Но Марк сидел на краю кровати, уже одетый в форму университета — строгий костюм, белая рубашка, галстук затянут туго. Он смотрел на мои искусанные губы. Я села, пытаюсь размять затёкшую шею, и он сразу отвёл глаза.

Он протянул мне стакан воды и маленькую белую таблетку.

— Выпей, — приказал он. — Тебе нужно быть в форме для лекций. Сегодня ты идёшь со мной в аудиторию.

Я взяла стакан. Рука дрожала так сильно, что вода плеснулась на дорожную рубашку Марка, оставляя тёмное пятно на груди.

Я задержала стакан у груди, ожидая, что он оттолкнёт руку. Марк посмотрел на пятно, усмехнулся уголком рта и шепнул:

— Руки у тебя всё ещё дрожат. Допей и иди за мной.

— Что это? — спросила я, разглядывая таблетку.

— Витамин. Упаковка на тумбе.

Я сверила надпись и запила её оставшейся водой. Стакан хотелось поставить бесшумно, но он стукнул о стол. Марк уже держал дверь. В коридоре кто-то засмеялся, и пришлось заставить себя подняться: прятаться здесь целый день он не позволил бы.

Глава 3

В аудитории уже почти все сидели. Я наметила свободное место у стены, где можно было снять туфли под столом, но Марк поставил рюкзак в проход у своих ног в середине ряда. Потом сел сам. Я осталась в проходе; люди за спиной обходили меня, задевая сумками. Он расстегнул манжету и посмотрел на пустой стул рядом с собой. Место он выбрал за меня.

— Сядь, — сказал он тихо. Я уже придерживала спинку соседнего стула, но от этого приказа захотелось убрать руку. Слово даже сесть самой мне не полагалось.

Садясь, я задела его плечом и отодвинулась настолько, насколько позволял край стула. Почти нисколько. Парфюм после душной ночи казался ещё резче. Я достала тетрадь, провела ладонью по первой чистой странице. Сегодня надо записать тему, отработать занятие и выйти отсюда. Хоть это я ещё могла сделать сама.

Елизавета Гром обернулась с первого ряда. Соседка ещё что-то ей рассказывала; Лиза подняла ладонь, обрывая её на полуслове, и улыбнулась мне. С утра ждала, когда я наконец появлюсь рядом с Марком. Я опустила взгляд в тетрадь, но она уже набрала воздуха.

— Профессор, — её голос звенел в тишине аудитории, чистый и властный. — Не могли бы вы прояснить новую методику социализации студентов? Или это часть практического задания на «терпимость к чужому телу»?

Смех прокатился по рядам. Вспыхнули экраны телефонов. Под столом я сжала кулаки, вдавливая ногти в ладони. Только бы не заплакать сейчас, пока они снимают. На обложке тетради стояла моя фамилия; захотелось закрыть и её.

Марк остался лицом к доске, положив руку на спинку моего стула. Пальцы лежали у самого плеча. Стоило мне откинуться, и я коснулась бы его руки; пришлось сидеть, вытянув шею.

— Завидуй молча, Лиза, — произнёс он.

Она поджала губы и повернулась к доске. На секунду я обрадовалась, что он заставил её замолчать. Потом кто-то за спиной прыснул, и ещё один телефон поднялся в нашу сторону. На записи будет его рука на моём стуле и я, сидящая вплотную. Так вот что они сейчас разошлют.

Преподаватель раздал бланки для парной работы. Я взяла свой, написала фамилию и наконец выдохнула: задание знакомое. Воздействие антибиотиков на микрофлору, сравнение двух групп. У меня даже остались расчёты с прошлого семинара. Я придвинула тетрадь, чтобы выписать исходные данные.

Марк вытащил бланк из-под моей ладони.

— Пиши только то, что я скажу, — бросил он, не глядя на меня. — Твоё мнение здесь не имеет веса.

Он начал диктовать примитивные, очевидные вещи, которые любой первокурсник знал наизусть. Я записала первую фразу, вторую. Буквы дрожали. До сравнения групп он даже не дошёл, а на полях моей тетради уже были расчёты — готовые, правильные. Хотелось ткнуть в них ручкой: вот, смотри. Вместо этого я дописала его фразу. Тимур всё ещё был в СИЗО; Марк мог забрать у меня бланк и этот расчёт, но не должен был забрать у брата шанс выйти.

Когда лекция закончилась, нас ждал коридор. Толпа окружила выход стеной. Шепот сливался в гул: «Вот она...», «Купленная...», «Смотри, какая дешевка...». Камеры телефонов смотрели на меня, как дула пистолетов.

Денис Орлов попытался пробиться сквозь толпу. Нашёл меня взглядом и кивнул в сторону прохода. Я подалась к нему: хоть выйти отсюда вместе.

Марк прижал указательный палец к губам, глядя на Дениса, потом отмахнулся.

Денис побледнел и остановился. Между нами снова сомкнулись чужие плечи; я ещё видела его лицо, но он уже смотрел в сторону.

Марк взял меня за подбородок. Его пальцы были холодными и жесткими. Он грубо развернул мое лицо к камерам и улыбнулся своей дежурной, пустой улыбкой.

— Улыбнись, Кира. Ты товар. Товар должен быть привлекательным.

Я попыталась отвернуться, но его пальцы удержали подбородок. Два телефона поднялись выше, чтобы взять лицо крупнее. Я смотрела в чёрный кружок ближайшей камеры и думала: вот это увидит Тимур. Не документы, не обещание адвоката. Вот эту нелепую улыбку, которую из меня сейчас вытягивают.

Когда снимавшие разошлись, нас догнала Елизавета. Встала вплотную, заставив меня остановиться. От шарфа пахло лавандовым мылом; я отодвинула лицо, чтобы не дышать этим запахом после её слов в аудитории.

— Он тебя купил? — спросила она тихо, чтобы слышали только мы. — Сколько стоит час твоей преданности? Может, тебе хватает и пяти минут в день?

Я набрала воздуха. Сказать ей про папину куклу — пусть сначала посмотрит на себя.

Марк остановился и повернулся ко мне. Я так и осталась с приоткрытым ртом. Он ждал моего ответа, и Лиза тоже ждала.

— Если ты ответишь, сделка аннулируется, — произнес он буднично. — Брат останется в камере. А я остановлю работу адвоката сегодня же.

Я сглотнула и закрыла рот. Лиза выждала, потом поправила шарф, словно моя попытка ответить её даже не заинтересовала. Марк пошёл дальше. Пришлось догонять его, глядя под ноги: если начну смотреть на неё, точно скажу то, за что он сейчас угрожал наказать брата.

Мы вернулись в общежитие. Комната Марка была стерильно чистой и дорогой. Я сорвала с себя комплект, который он выбрал утром: дорогое платье, неудобные туфли, ювелирные серьги. Швыряла всё в угол, как грязное бельё.

Марк подошёл к платью, поднял его за бретели и встряхнул. Мне хотелось, чтобы он оставил его на полу. Пусть хоть одна вещь в этой комнате лежит так, как бросила я. Он расправил платье на вешалке и убрал в шкаф.

— Ты даже не заметил, как мне было больно! — взорвалась я, голос сорвался на визг. — Тебе плевать, что они снимали меня как животное! Плевать, что я потеряла всё!

Он закрыл дверцу шкафа. Замок щёлкнул, и я дёрнулась от этого звука, злясь на себя: уже всего боюсь.

— Боль — это побочный эффект, — пожал он плечами. — Привыкай. Или стань полезной.

Он убрал даже серьги — по одной в маленькие ячейки коробки. Я стояла посреди комнаты босая и всё ещё ждала ответа. А он поправил застёжку одной серьги, согнувшуюся после падения на пол. Похоже, мои слова мешали ему меньше, чем вещи на полу.

Ночью мне снился Тимур за решёткой. Я пыталась позвать его, но Лиза сжимала мне горло, и вместо крика вырывался хрип. Проснулась, судорожно хватая воздух. У окна сидел Марк, прямо на полу, с документами на коленях. Свет ноутбука падал ему на лицо. Пришлось несколько раз сглотнуть, прежде чем я убедилась, что могу дышать.

Хотелось спросить его про Тимура: что ответил адвокат, долго ещё ждать? Но после «стань полезной» я боялась услышать новое условие.

Марк обернулся. Под глазами залегли тёмные тени. На столе лежала папка с делом брата, и я приподнялась, пытаясь разглядеть, открыта ли она.

— Завтра будет хуже, — сказал он тихо. Без насмешки. Почти сочувственно.

— Сегодня ты была просто куклой, — продолжил он, подходя ближе. Его шаги были бесшумными. — Завтра тебе придется быть живой мишенью.

Я втянула голову в плечи, когда он подошёл к кровати. Марк бросил рядом со мной телефон. Экран засветился; сперва я прочитала только фамилию Грома.

На фотографиях были скриншоты банковских переводов. Имена инвесторов. И среди них — фамилия ректора Грома.

«Брат арестован по заказу семьи Гром», — гласила надпись поверх фото.

Я подняла глаза на Марка.

— Ты знал, — прошептала я. — Ты всегда знал.

Марк отвёл взгляд и потёр переносицу. Я почти пожалела его — и тут же вспомнила, как он держал мой подбородок перед камерами.

— Я не ломаю тебя, Кира, — сказал он. Я подняла голову, стараясь понять, верит ли он сам в эти слова. — Я закаляю сталь. Используя методы, которые ты ненавидишь. Потому что другие методы не работают против таких врагов, как они.

Я снова посмотрела на переводы. Даты, суммы, фамилия Грома — наконец что-то, кроме приказов и угроз. Но каким образом съёмка в коридоре помогла бороться с ним? Волков называл это закалкой, а мне по-прежнему хотелось спрятать лицо. Я запомнила даты, пока он не забрал телефон.

Он вышел из комнаты, оставив дверь приоткрытой.

Я осталась одна в темноте. Сердце колотилось в висках. Сон не возвращался. Я прислушивалась к его шагам за дверью и перебирала в памяти цифры с экрана. Утром нужно будет проверить хотя бы один перевод.

На столе передо мной лежала фотография Тимура, сделанная вчера в СИЗО. Рядом с ней — записка. Внизу стояла подпись ректора Грома.

«Сделка закрыта. Ты свободна. Но помни, кто держит ключ».

Я схватила записку, бумага рвалась в пальцах. Марк солгал? Или нет? Я расправила смятую записку под лампой. «Свободна» — пока дверь открывалась только по разрешению Волкова. Что именно они считали закрытой сделкой?

Глава 4

За обедом я решила дочитать раздел по сердцу. В столовой хотя бы можно было сидеть одной, не отвечая Марку, куда собралась и зачем. Взяла борщ, положила учебник на поднос и пошла к дальней стене. Там свободно, до окна далеко, с входа меня сразу не видно. Лиза сидела у раздачи; я развернула книгу так, чтобы не смотреть на неё поверх страниц.

Я успела съесть две ложки. Лиза поставила сумку на свободный стул, села напротив и окинула меня взглядом от воротника до рукава. На ней было пальто, хотя в зале жарко. Видимо, снимать его пришлось бы без зрителей, а такая вещь этого не заслуживала. Я опустила глаза в учебник. Может, ей хватит того, что я заметила.

— Дешёвая ткань, — протянула она громко, так, чтобы слышали ближайшие столы. — И этот запах... Несвежий пот стипендиатки или дешевый антиперспирант из супермаркета? Ты действительно думаешь, что Марк мог бы терпеть это рядом с собой больше дня?

Ложка задрожала над тарелкой, пришлось опустить её в борщ. Я уставилась в учебник. Если не отвечать, ей станет скучно — так обещала статья о травле, которую я читала вчера. Пробовала держаться за этот совет, хотя за всё время не прочла ни строчки. Елизавета постукала ногтем по краю подноса. Она никуда не собиралась.

— Тебе слабо ответить, Кира? — усмехнулась она, и её локоть резко метнулся вперед.

Она ударила по краю подноса, и тот перевернулся. Я отдернула руку от горячего борща. Бульон хлынул на открытую страницу учебника по анатомии, залил гравюру сердца. Бумага вздувалась прямо у меня на глазах; за соседним столом фыркнули, прикрыв рот салфеткой.

Елизавета даже не моргнула. Она аккуратно промокнула уголок губ салфеткой и посмотрела на меня с выражением легкого отвращения.

— Извинись, — потребовала она.

Я подняла глаза. Прежде чем ответить, пришлось разжать зубы; громко говорить не получалось.

— Это была твоя рука, Лиза.

За ближайшим столом перестали смеяться, но тут же хохотнули снова. Один парень посмотрел на Лизу, прежде чем присоединиться. У неё на рукаве тоже была красная капля. Я видела её и всё надеялась, что кто-нибудь ещё заметит: это Лиза ударила по подносу, не я.

За Лизой остановился Марк. Она не сразу его заметила, а я смотрела поверх её плеча. На мокрый учебник он взглянул. На меня — тоже. Я перевернула поднос обратно и подвинула к краю, чтобы он видел, сколько супа осталось на столе. Сейчас скажет ей хоть слово. Должен же сказать: он всё это видел.

Елизавета мгновенно перестроилась. Плечи опустились, на глазах выступили притворные слезы. Она повернулась к Марку, указывая пальцем на мокрый учебник и дрожащим голосом сказала:

— Марк, посмотри, что она творит. Она специально провоцирует скандалы, чтобы ты обратил внимание. Я только попыталась попросить её пересесть за другой стол, а она... она агрессивная. Как дикая зверушка, которую ты подобрал на помойке.

Марк перевёл взгляд с плачущей девушки на меня. Я разжала ладонь с ложкой, показывая испачканные пальцы. Он ведь стоял здесь. Видел, как она повернулась к нему, и как до этого требовала извинений. Сейчас ему достаточно сказать, что она врёт. Я смотрела ему в лицо, не давая себе первой отвести глаза.

Он достал из внутреннего кармана портмоне, вынул пятитысячную. Пока складывал её пополам, я всё ещё ждала, что он заговорит с Лизой. Марк бросил купюру в разлитый суп. Она намочила, потемнела с краю. У меня самой в кармане лежали деньги, которые я считала у раздачи, выбирая, хватит ли ещё на хлеб.

— Учебник можно купить новый, — холодно произнес он. Голос был тихим, но каждое слово резало уши. — А вот репутацию... ту не почистишь.

Край пяти тысячной прилип к тарелке. Я могла бы взять её, купить учебник и ещё оставить на продукты. Именно это он мне и предложил — при всех. Лиза смотрела на мои руки. Ждала, что я потянусь за деньгами. Я держала ложку, пока металл не начал давить на палец, и думала, куда положить испорченные страницы, чтобы они не слиплись.

Тишину нарушил шорох стула. Денис Орлов, интерн с добрыми глазами и вечно помятым халатом, робко приблизился. Он держал в руках стопку чистых бумажных полотенец.

— Кира, давай я помогу собрать вещи, — тихо сказал он, стараясь не привлекать внимания толпы.

Елизавета резко развернулась к нему. Слёзы она стёрла одним движением, заодно проверив пальцем, не размазалась ли тушь.

— О, наш любимый подхалим нищевродов, — процедила она сквозь зубы, понизив голос, но так, что слышал весь курс. — Знаешь, Денис, отец часто спрашивает, почему такие, как ты, до сих пор имеют доступ к практике в элитных отделениях. Может, стоит напомнить ему о твоей дружбе с... этим объектом?

Лицо Дениса побледнело. Он смотрел на меня, потом на Елизавету, потом вниз. Его плечи ссутулились. Он положил полотенца на край стола. Я уже потянулась к ним, решив, что он останется помочь, но Денис кивнул и отошёл. Лиза проводила его взглядом. Я взяла верхнее полотенце и подложила под книгу: по крайней мере, это он у меня не забрал.

Шепотки становились громче.

«Слышал, она спит с ним за учебу».

«Грязная».

«Почему она вообще здесь?»

Огрызок яблока, тёмный и влажный, прилетел сбоку и шлёпнулся о мою щёку. Холодный сок потёк по виску. За столами заржали. Я вцепилась в край подноса. Бросить его обратно, пусть попадёт кому-нибудь в лицо. Хоть Лизе. Пальцы уже приподняли край. Лиза подалась вперёд, следя за мной. Только этого ей и не хватало после её «дикой зверушки».

Я опустила поднос и смахнула кусочек яблока со щеки. Кожа горела; хотелось тереть её, пока не исчезнет ощущение чужого слюнявого огрызка. Лиза улыбалась. Я посмотрела прямо на неё.

— Ты боишься меня, — сказала я четко, вкладывая в каждое слово всю накопленную ярость. — Потому что я могу превзойти тебя в науке, а ты нет. Твой диплом — это наследство, Лиза. Мой будет собственным трудом. И когда мы будем стоять на одном уровне, ты останешься всего лишь дочерью ректора — без мозгов и без силы. Ничем.

Пауза затянулась. Смех стих. Елизавета перестала улыбаться. Она отодвинула стул так резко, что ножка заскребла по полу. Она рванула вперед, схватив меня за воротник куртки, пытаюсь стащить со стула.

— Заткнись! — визгнула она.

Марк перехватил запястье Елизаветы. На миг я решила, что он наконец выбрал мою сторону. Она вскрикнула, когда он сжал пальцы; хватка на воротнике ослабла. Я качнулась, и Марк другой рукой толкнул меня обратно на стул. Спинка больно ударила под лопатку. Посмотреть, как я села, он не потрудился.

— Хватит спектакля, — рявкнул он Лизе в лицо. Она пыталась высвободить руку, но после окрика перестала. Я потянула воротник от горла. — Мне надоел ваш цирк.

Елизавета заплакала, глядя на своё запястье. На миг я даже обрадовалась: теперь ей тоже больно. Потом стало стыдно. Марк успел остановить её, но купюра всё ещё плавала в моём супе. Наклониться и забрать её он не счёл нужным.

Марк отпустил Елизавету и ушёл. Она рыдала, прижимая запястье к груди, но от меня глаз не отводила. Я знала этот взгляд ещё по аудитории. Тогда ей хватило издёвки. Теперь я сказала при всех про её диплом, и она дёрнула меня за воротник. Завтра сесть подальше от неё уже не поможет.

Из столовой я вышла, придерживая учебник за сухой край. Ноги подкашивались; добравшись до пустого коридора, прислонилась к стене. Телефон завибрировал. Я достала его и со второй попытки открыла сообщение от брата: палец соскользнул с экрана.

«Спасибо, сестра. Я свободен. Но почему они говорят, что ты стала игрушкой Волкова?»

Слеза скатилась по щеке, прямо по липкому следу от яблока. Я стёрла её тыльной стороной ладони и подняла глаза к окну. На верхнем этаже общежития мелькнул силуэт, похожий на Марка. Я отвернулась: сейчас не хотелось выяснять, он ли это.

Я перечитала сообщение и набрала: «Ты где? Я позвоню». Он ответил почти сразу: «В клинике. Адвокат настоял на обследовании после камеры. Со мной всё нормально». Пальцы ещё дрожали, но теперь можно было услышать брата, убедиться, что он действительно вышел. Учебник я прижала к боку чистой стороной. Отмыть страницы не получится; зато в нём остались мои пометки, и покупать новый на деньги из супа я не собиралась.

Глава 5

На задней парте было свободно. Я оставила сумку на соседнем стуле и согнула ноги под себя: новые туфли натёрли пятки. До звонка можно было посидеть так, только бы никто не подошёл. Вокруг обсуждали семинар, шуршали пакетами, пили кофе. У всех утро как утро. Я развернула тетрадь на чистой странице и написала дату.

Дверь распахнулась за мгновение до звонка. Марк Волков вошёл последним. Двое у двери подвинулись, пропуская его. Марк прошёл к окну и стал крутить ручку между пальцами. До меня не дошёл. Хорошо. Я поставила сумку на пол, приготовившись к занятию, но всё равно проверяла боковым зрением, не повернулся ли он. От его обычных приказов можно было ждать хоть чего-то понятного; от этого показательного равнодушия — ничего.

Едва занятие закончилось, я схватила куртку. Нужно было выскользнуть первой, пока Марк не подошёл к двери и не решил при всех, куда мне идти. Но у прохода застрял парень с рюкзаком. Я протиснулась мимо него, наступила натёртой пяткой на задник туфли и поморщилась. Сзади уже напирали; остановиться и поправить её было негде.

— Осторожнее, Смирнова, — Елизавета Гром нарочно повысила голос, перекрывая шум у двери. Она преградила мне путь, облокотившись на парту перед собой. Те, кто уже дошёл до выхода, обернулись; парень с рюкзаком перестал проталкиваться вперёд. — Ты чего такая бледная? Боишься, что хозяин не погладит? Или просто забыла принять свою порцию унижения на сегодня?

Рядом захихикали. Кто-то достал телефон, делая вид, что проверяет сообщения, но камера была направлена на нас.

От её «хозяина» зашипало под веками. Я прижала куртку к животу: хотя бы руки перестанут выдавать меня. До двери оставалось три шага. Если начну оправдываться, Лиза задержит меня здесь на всю перемену, а тот с телефоном получит ещё и мой голос.

— Пропусти, — мой голос дрогнул, но я выдавила это через силу.

Елизавета усмехнулась и чуть отодвинулась. Я шагнула в проход — и тут она толкнула меня плечом. Каблук скользнул; пришлось ухватиться за край парты. За спиной снова хихикнули. Щёки горели. Повернуться бы и спросить, смешно ли ей теперь, после столовой. Но телефон всё ещё был направлен на меня, и я протиснулась к двери, наступая на смятый задник туфли.

В коридоре воздух показался почти сладким. Я прислонилась к стене, пытаюсь перевести дух. Руки тряслись.

— Кира.

Денис Орлов стоял в двух шагах, держа два стаканчика кофе. Обычно он поглядывал по сторонам, даже когда говорил со мной. Сейчас смотрел в лицо и ждал, пока я отвечу. Хотелось отвернуться: вдруг он тоже слышал про «хозяина»? Но Денис произнёс моё имя ещё раз, тише. Без смешка. Я отлепилась от стены.

— Я знаю, где можно посидеть, — сказал он, протягивая мне один стаканчик. — Тихая зона библиотеки. Там нет камер. И там точно нет... него.

Я посмотрела на стаканчик, потом на Дениса. Он держал его за самый край, чтобы не обжечься, и кофе вот-вот выплеснулся бы на пальцы. Пришлось взять. Тепло сразу пошло по ладоням. Посидеть без камеры перед лицом — я ведь только этого и хотела сейчас. Пусть даже с человеком, который вчера ушёл из столовой.

— Пойдём, — согласилась я, и это слово далось легче, чем я думала.

Мы спустились в подвал старого библиотечного корпуса, где находилась студенческая кофейня «Уголок». Здесь пахло жареными зёрнами и старой бумагой. Угловой столик в глу-

бине зала был пуст. Денис сел напротив и отодвинул мой стаканчик от края стола. Я подтянула к себе сумку: не хотелось, чтобы разговор затянулся до того, что я опоздаю на следующую пару.

Первый глоток обжёг язык. Я поставила стаканчик и пригладила смятую куртку на коленях. Денис подождал, пока я перестану её теревить. Ему куда не надо было бежать?

— Как ты? — спросил он.

В коридоре я бы сказала «нормально» и ушла. Здесь он сидел напротив, убрав телефон, и от этого отвечать было труднее.

— Жива, — ответила я, стараясь звучать дерзко. — Хотя некоторые сомневаются, что я человек, а не игрушка.

Денис вздохнул и положил ладони поверх моих на столе. Я напряглась, ожидая, что он сейчас сожмёт пальцы. Но он оставил их свободными: захочу — уберу. Несколько секунд я сидела так, чувствуя тепло его рук. Позорно хотелось, чтобы он спросил ещё что-нибудь. Про пару, про этот кофе, про любую ерунду, где я могла бы ответить за себя.

— Я знаю, что происходит, Кира, — произнёс он тихо. — Ты не одна. Мы все видим. И мы ненавидим это.

На слове «все» снова зашипало глаза. Все видят — и все молчат? Я выдернула руки из-под его ладоней, прижав их к коленям.

— Не надо жалости, Денис.

— Это не жалость. Это злость, — он выпрямился, и его лицо стало серьёзным. — Знаешь, кто такой Марк Волков? Не тот мальчик из журнала мод. Тот, кто ломает людей.

Вчерашнее сообщение Тимура я знала почти наизусть. «Я свободен». Как бы я ни ненавидела Волкова, эти два слова были настоящими.

— Он выполнил сделку. Вытащил Тимура из СИЗО. Он не монстр.

Денис горько усмехнулся. Он достал телефон и развернул экран ко мне. На фото был мужчина лет тридцати с пустыми глазами и синяками под ними. Подпись: Алексей Р., интерн, год назад.

— Его довели до нервного срыва. Марк играл с ним полгода. Заставлял переписывать истории болезни, унижал на консилиумах, разрушал отношения. А потом выбросил, когда тот стал бесполезен. Спасение твоего брата — это цена твоего рабства, Кира. А он получает новую игрушку. Попробуй понять, что тебя используют не потому, что ты плохая, а потому, что он голоден до власти над слабыми.

Я наклонилась к экрану. Алексей Р. С этим человеком я ещё вчера могла бы оказаться на одном дежурстве. Денис назвал полгода — я попыталась представить, сколько за это время было таких ночей, как моя на полу у Волкова. И сколько раз Алексей говорил себе, что осталось немного потерпеть. Если это правда...

Дверь кофейни открылась с тихим скрипом.

Марк Волков задержался у двери и посмотрел в глубину зала. Я успела надеяться, что он пришёл за кофе. Но он заметил нас и пошёл прямо к столику. Сначала взглянул на Дениса, потом на стаканчик в моих руках.

Денис опустил телефон под стол. Кожа у него вокруг рта побелела. Фото он мне показал, а Марку показывать, видимо, не собирался.

Марк подошёл к нашему столику. Не спрашивая разрешения, он отодвинул свободный стул и сел напротив Дениса. Заказал эспрессо у проходящей мимо официантки, даже не взглянув на неё.

Официантка принесла эспрессо. Марк дождался, пока она уйдёт, и только тогда повернулся ко мне. Кофе у меня остался на дне, но я не решалась допить: придётся поднять стакан и выдать дрожь в пальцах.

Он не спешил начинать разговор. Я смотрела на его чашку и ждала приказа — зачем ещё ему понадобилось идти сюда?

— Ты забыла принять витамины, Кира, — произнёс он ровным тоном. — Я проверил твою аптечку утром. Их нет.

Я посмотрела на него, не отвечая. Он проверял даже аптечку. Теперь любую открытую вещь в комнате придётся считать просмотренной — тетрадь, сумку, экран телефона. И Денису он сообщил об этом так буднично, будто речь шла о пропущенном завтраке.

Денис приоткрыл рот. Я повернулась к нему — ну же, ты ведь только что говорил, как злишься! Он закрыл рот и поставил свой стаканчик. Марк на него даже не посмотрел; от меня тоже не отвёл глаз.

— Вставай, — приказал Марк. Мягко. Как говорят с непослушной собакой.

Я осталась сидеть и повернулась к Денису. Мы ведь пришли вместе. Скажи, что разговор ещё не закончен. Или просто попроси его подождать. Пусть хоть раз Волков услышит отказ от кого-то, кроме меня.

Но Денис отвёл глаза. Он уставился в свой недопитый кофе, сжав челюсти. Я задержалась у стола. Стаканчик хрустнул в пальцах, и Денис всё-таки поднял глаза — на мои руки, не на Марка. «Скажи хоть что-нибудь», — хотелось попросить. Я не попросила.

И зачем я позволила ему держать меня за руки? Зачем так охотно пошла сюда после того, как он ушёл из столовой?

Пришлось опереться ладонью о стол, чтобы встать. Марк остался на стуле; я прошла мимо него, прижав локоть к боку, чтобы даже рукавами не соприкоснуться.

На выходе из кафе он перехватил мою руку у самой двери. Не грубо, но крепко. Прижал меня плечом к своей груди. Пахло его одеколоном — сандалом и холодным металлом.

— Отпусти, — прошипела я, пытаюсь вырваться.

Марк наклонился, его губы оказались у самого моего уха. Горячее дыхание обожгло кожу.

— Денис знает про контракт, — прошептал он. Его голос был низким, вибрирующим. — Он был первым, кому я предложил тебя вместо себя, когда ты ждала у кабинета следователя. Он согласился быть твоим «другом», только если я дам ему доступ к закрытым архивам клиники для диссертации.

Я дёрнулась от его груди, но пальцы на моём запястье удержали. Денис знал про контракт ещё тогда, у следователя? И всё равно сидел сейчас напротив, спрашивал, как я?

— Ты не жертва обстоятельств, Кира. Ты валюта в чужих играх.

Марк отпустил меня. На улице пришлось отойти от двери: кто-то выходил из кофейни и задел мою сумку. Я едва слышала извинение. Фонари расплывались в жёлтые пятна; стоило моргнуть, чтобы увидеть ступеньку под ногами. Я обернулась к двери кафе. Денис так и не вышел. Марк мог врать про архив, но этого молчания я ему не придумала.

Марк уже развернулся и пошёл к чёрному внедорожнику. Он даже не проверил, иду ли я. Конечно, иду: до сих пор это работало. Но если он хотел тишины в машине, пусть не рассчитывает. Я сама ещё несколько минут назад защищала его перед Денисом. Теперь послушаю, что он ответит мне.

Я шла за ним, крепко сжав недопитый стаканчик. Кофе остыл. В машине я спрошу про архив: когда он предложил доступ, какие документы получил Денис. Пусть Волков либо покажет переписку, либо перестанет выдавать свои слова за доказательства. С меня хватит разговоров шёпотом у самого уха.

Глава 6

В три ночи колесо тележки начало скрипеть. На каждом повороте, будто специально. Я втащила её в ординаторскую, где Марк сидел с ногами на столе, и поставила так, чтобы не задела кресло. Он читал что-то в телефоне. Отчёт у меня был ещё не готов; я слишком долго разбиралась с одной нечитаемой записью в карте.

— Ты просрочила отчет по реанимации на два часа, — бросил он, не отрываясь от телефона. — Иди работай. Я жду результатов, а не твоих оправданий.

Он продолжал листать экран. Я стояла перед ним с тележкой, а он будто и не заметил, что я вернулась.

Я переставила верхнюю папку на край тележки, чтобы не перепутать с проверенными.

— Две карты осталось, — сказала я.

— Я вижу.

Видит он. С ногами на столе. Я подхватила обе папки: спорить с ним ночью значило ещё дольше не закончить.

В коридоре свет резал глаза. На пульте медсестры нашлось место для обеих карт; я раскрыла первую и несколько секунд смотрела на строку, пока цифры не перестали расплываться. Вернуться и сказать, что больше не могу? После его «оправданий»? Подтянув карту ближе, я стала сверять дозы с графиками инфузий. В третьей строке доза не сходилась с листом назначений. Отметила её карандашом и отложила карту для дежурного врача. Здесь нужно сверять цифры, а не угадывать настроение Волкова. От этого становилось легче: у цифр хотя бы можно проверить, какая из них правильная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.